

Daniel Banasiak

 <https://orcid.org/0000-0001-8087-8187>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej

90-226 Łódź, ul. Pomorska 171/173

banasiakdaniel@gmail.com

<https://doi.org/10.18778/8220-520-6.12>

НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ *ТЕМНОЕ ВИДЕНИЕ* И МИРЫ ПРОСВЕТАЕНИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

**Neologisms in the poetic series *Dark Vision*
and *Worlds of Enlightenment* by Daniil Andreev**

**Neologizmy w cyklach poetyckich *Ciemne wizje*
i *Światy jasne* Daniła Andriejewa**

Резюме

Статья посвящена рассмотрению неологизмов в поэтических циклах *Темное видение* и *Миры просветления* Даниила Андреева. Андреев в творческом вдохновении создает онтологически сложные миры. Для описания этих ирреальных мест ему необходимы новые слова. Андреев создает их, вдохновленный философией Рамакришны, Рамануджи и Патанджали, смело используя культуру Ближнего Востока. Неологизмы не только подчеркивают авторскую эрудицию, но прежде всего привносят новые смыслы в поэтическую вселенную стихотворений и поэм.

Summary

The article discusses neologisms in the poetic series *Dark Vision* and *Worlds of Enlightenment* by Daniil Andreev. Andreev creates ontologically complex worlds in his creative attempts. New words are needed to describe these unreal places. He creates such words inspired by the philosophy of Ramakrishna, Ramanuja, and Patanjali and boldly drawing on the culture of the Middle East. The neologisms do not only emphasize the author's erudition, but above all, they bring new meanings to his poetic universe.

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest analizie neologizmów w poetyckich cyklach *Ciemne wizje i Światy jasne*. Autor w kreacyjnym rozmachu tworzy ontologicznie skomplikowane światy. Do opisu tych irrealnych miejsc potrzebuje nowych słów. Zafascynowany filozofią Ramakryszny, Ramanudża i Patańdźali tworzy je, śmiało wykorzystując kulturę Bliskiego Wschodu. Neologizmy podkreślają nie tylko autorską erudycję, ale przede wszystkim wnoszą nowe sensy w poetyckie uniwersum wierszy poematów.

Ключевые слова: Даниил Андреев, неологизмы, поэма, поэтический цикл.

Keywords: Daniil Andreev, neologisms, poem, poetic series.

Słowa kluczowe: Daniil Andriejew, neologizmy, poemat, poetycki cykl.

Появление неологизмов, как правило, обуславливается необходимостью наименования определенных предметов и явлений, ранее не наблюдавшихся и не использовавшихся. В *Словаре лингвистических терминов* Д.Э. Розенталя мы находим такое определение: «неологизм – слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» (Розенталь 2009, 130). Данное понятие можно найти также в *Словаре литературоведческих терминов* Л.И. Тимофеевой и С.В. Тураева: «неологизмы (греч. *neos* – новый и *logos* – слово) слова, словосочетания или выражения, созданные для обозначения нового предмета или явления, а также новые значения старых слов» (Тимофеева, Тураев, 1974, 237).

Даниил Андреев (1906–1959) – одна из самых загадочных и трагических фигур в истории русской литературы, мистики, философии. В его уникальном творческом опыте «органично связаны поэзия и мифотворчество, религиозные откровения и исторические исследования, этика и эстетика, философия и мистика... Все эти элементы неразрывно переплетены в едином культурно-синкретическом целом» (Кондаков, 2000, 77).

Истоки мирозерцания Андреева, как свидетельствует его итоговый религиозно-философский трактат *Роза мира*, коренятся в трудах русских религиозных философов, прежде всего в работах Владимира Соловьева. Вл. Соловьев для Андреева – это «великий духовидец», «беспримерный», духовный опыт которого превосходил опыт европейских и восточных (Дашевска, 2002, 52) духовидцев: Экхарта, Бёме, Сведенборга, Рамакришны, Рамануджи, Патанджали (Андреев, 2006б, 207). Андреев неоднократно обращался к трудам Серафима Саровского, Алексея Хомякова, Петра Чаадаева, Константина Леонтьева, Николая Данилевского, Николая Федорова, Сергея Булгакова, Павла Флоренского, Дмитрия Мережковского, Вячеслава Иванова, Андрея Белого и др., подчеркивая духовидческие способности русских философов. Писатель интересовался античной идеалистической философией, в частности Платином, глубоко изучал немецкую классиче-

скую философию, особенно Иммануила Канта. Исследователи обнаружили влияние на мирозерцание Андреева австрийского антропософа Рудольфа Штайнера и создательницы русской теософии Елены Блаватской (Розин, 1998, 137). В целом наследие Д. Андреева свидетельствует, что он глубоко усвоил многие разнообразные теории и концепции русской и мировой философии, религии, истории, культуры, литературы, свободно оперировал ими в своем творчестве (Грущевский, 1989, 55). *Opus vitae* Даниила Андреева составляют произведения: философско-мистический трактат *Роза мира*, книга драматургических текстов и стихотворений *Железная мистерия*, а также «поэтический ансамбль» *Русские боги*. Произведения Д. Андреева отличаются необычным, порой трудным для восприятия многообразием сложных ритмов и созвучий, в которых твердость и логика индустриальной эпохи соединилась с пластичностью образов и эзотерической глубиной Серебряного века. Философско-мистическая основа стихотворений Даниила Андреева пестрит оригинальными персонажами авторской мифологии: в строгой абстрактно теоретической структуре метафизики обитают причудливые имена и неологизмы: *брамфатура Шаданакар, уицраор Жругр, демиург Ярсвет, затомисы, шрастры, стиххали*. Знакомство с наследием Д. Андреева требует погружения в неповторимый авторский мир, в заданную им «систему координат». Андреев в письме жене¹, Алле Андреевой, от 2 марта 1956 г. так писал о своих неологизмах:

Никакие новые слова не могут вызывать ассоциаций, но если бы это обстоятельство пугало людей, язык не только не развивался бы, но даже не возник бы совсем. Новые понятия требуют новых слов, это аксиома. А понятия за данными словами – действительно новые, независимо от чьего бы то ни было неверия или веры (Андреев, 2010в, 373).

Третья глава «поэтического ансамбля» получила название *Тёмное видение*. Эта глава, – по свидетельству автора, написана во Владимирском политическом изоляторе при режиме, созданном Лаврентием Берия и «ее следует

---

¹ 21 апреля 1947 г. Д. Андреев был арестован. Причиной ареста стал «антисоветский роман» *Странники ночи*. Писателя обвинили по 58 ст. в создании антисоветской группы, в террористических намерениях и приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения (Андреев, 2010а, 15), а все его произведения, найденные при обыске, были конфискованы и уничтожены. Во Владимирской тюрьме вместе со своими товарищами по камере академиком В.В. Париным (зоолог и биолог) и Л.Л. Раковым (историк и искусствовед) Андреев написал словарь вымышленных биографий *Новейший Плутарх* (изд. 1991). В тюрьме Андреев обдумывал, а иногда при возможности и записывал фрагменты, вошедшие впоследствии в его главные книги. Ни одно произведение писателя при его жизни издано не было.

воспринимать как протест человека, сознающего себя осужденным на 25 лет тюремного заключения безо всяких к тому оснований» (Андреев, 2006а, 78). Глава состоит из девяти лирических стихотворений² и двух тетраптихов³.

В этой главе лирический герой, принимающий на себя функцию поэта-вестника, подобно лирическому герою *Божественной комедии* Данте, совершает путешествие-спуск из зримого города, Москвы, в край, о котором знают только русские демоны. На этом пути хранит вестника Печальница русского края, олицетворяющая Богородицу. Художественный мир наполняется фантастическими образами, воплощающими силы тьмы и зла, которые насыщают ночной сумрак московских улиц. Повелителем этих тревожных «пространств» становится Третий Уицраор, т.е. демон «великодержавия» – тоталитаризма. Перед лирическим героем предстают толпы, превращающиеся в карнавал масок, движимые демонической волей «растлителей и палачей народных множеств» (там же, 95). Среди фантастических призраков мелькнул даже крестный отец поэта – Максим Горький, который «за сладость учительства предал / И продал свой дар...» (там же, 96).

Стихотворение *Третий уицраор* является одним из выразительных поэтических примеров презентации фантастических образов-понятий андреевской концепции мироздания. Образ Третьего Уицраора – автоинтертекстуален, его описание мы уже встречали в философско-мистическом трактате *Розе мира*:

Уицраор не добр, и не зол. Он необходим для нации на определенных этапах ее развития, ибо иначе она падет жертвой уицраоров других наций. Основное занятие уицраора – силовая борьба с уицраорами других государств, а также с собственными «сыновьями», а в случае гражданских войн – «братьями». Поколения уицраоров сменяются своеобразным образом: молодой пожирает сердце своего отца⁴ (это революции). Особо опасен момент, когда из сердца отца падают последние капли крови – это обязательно означает кровопролитие в Энрофе. Русских уицраоров зовут Жругр. Насчитывается три Жругра. Первый был рожден в первой половине XIV столетия. Его связь с кн. Дмитрием Донским позволила выиграть Куликовскую битву и отбить натиск монголов. Второй Жругр

---

² «Русские зодчие строили прежде...» (без даты), «Я вздрогнул: ночь? рассвет? ... Нет, это зимний день...» (1935), *Третий уицраор* (1942), *Гипер-нэон* (1951), *У гробницы* (без даты), *Монумент* (б. д.), *Пропулк* (б. д.), *К открытию памятника* (б. д.), *Яросвету – Демидургу России* (1949–1951)], а также двух триптихов [*Столица ликует* (1931–1950), *О тех, кто обманывал доверие народа* (1935–1950)].

³ *Красный реквием* (б. д.), *Демоницы. Предупреждение* (б. д.).

⁴ Обратим также внимание на сходство этой концепции с фрейдовской теорией комплекса Эдипа, в которой сын намеревается «убить своего отца». У Андреева уицраоры сменяются таким образом, что молодой пожирает сердце старого уицраора.

связан с династией Романовых, он сожрал сердце своего отца в начале XVII века, что соответствует Смутному времени. Третий Жругр связан с КПСС и СССР, он сожрал сердце своего отца в 1917 году (Андреев, 2010б, 307).

Автоинтертекстуальность в стихотворении выполняет две функции: во-первых, поясняет неологизм в стихотворном тексте, во-вторых, несколько изменяет семантическое наполнение образа за счет использования поэтической сюжетики, определенных изобразительно-выразительных и ритмико-строфических средств. То что было описано в *Розе мира* прозой, в стихотворении предстает перед нами как поэтическое изображение:

То было давно.
 Все шире и шире
 Протест миллионов гремел в мозгу..
 С подполий царских, из шахт Сибири,
 Кандальной дорогою через пургу
 Он стал выходить – небывалый в мире...

Как будто
 неутоляемым голодом
 Родимый ад его истомил,
 Чтобы у всех, кто горяч и молод,
 Он выпил теперь избыток сил.
 Нездешней сыростью, склепным холодом
 Веяло на пути упыря,
 Пока замыкались чугунным болтом
 Казармы,
 тюрьмы,
 трудлагеря.

(Андреев, 2010а, 72).

Уицраор присутствует, по Андрееву, в каждом народе, как «семя», он является одновременно потенциалом и угрозой каждой нации. Благодаря уицраорам народ в революционном темпе проходит исторические события, имеющие как положительные (победа Дмитрия Донского на Куликовском поле и противостояние натиску монголов), так и губительные последствия (Смутное время и Революция 1917 г.).

В стихотворении *Третий Уицраор* лирический герой обладает способностью «видения» темных страниц в истории русского народа, что помогает ему осознать, глубинно понять и освоить истоки и узловые моменты русских народных «кровопролитий».

Уицраор возникает в художественном мире стихотворения как реакция на бунт и протест, рождающиеся в русском народе. Указанные поэтом обсто-

ятельства: «шахты Сибири», «кандальная дорога через пургу», «казармы, тюрьмы, трудовые лагеря», подавляющие русский народ, постоянно «будили» Третьего Уицраора, результатом чего стало сталинское государство.

Так как неотъемлемой составляющей поэтического мира и антропологии Андреева становится индийская духовная культура (Дашевская, 2005, 54) мы обратились к санскритско-английским (Sanskrit dictionary) и санскритско-русским словарям (Кочергина). Рассмотрим неологизм *уицраор*:

युयुत्सा / yuyutsa / – желать или жаждать сражения, желать биться с кем-л.

युयुत्सा / yuyutsā / – желание сражаться с кем-л.; жажда битвы, воинственность, драчливость.

युयुत्सा / yuyutsu / – желающий сражаться с кем-л.; жаждущий битвы, воинственный,

га – давать; дарить, жаловать; уступать.

ар – идти, двигаться; подниматься, восходить; двигаться к чему-л., встречаться с чем-л.; достигать, получать; выпадать на долю, случаться, происходить; нападать, приближаться к врагу; ранить, вредить; двигать, побуждать, возбуждать, поднимать.

В связи с представленной семантикой и учитывая поэтический мир произведения, а также авторские интенции можно прийти к следующей дефиниции неологизма: *уицраор* – ‘дающий побуждение воевать, поднимающий на войну’.

Еще одной формой выражения «темного видения» является тетраптих *Демоницы. Предупреждение*. Поэт, воспользовавшись «живописными» возможностями (даже иконографичностью – в форме тетраптиха представлялись некоторые иконы святых) тетраптиха, создал ипостаси женских демонов. Два первых стихотворения посвящены демонице Велге, два следующих – демонице Фокерме. Здесь «темное видение» предстает как предупреждение о возможном страшном грядущем. Лирический герой защищается крестом, «видя» посетительниц ада: «Храни лишь знак креста защитного, / Пока ты сверху виден ей!» (Андреев, 2006а, 97).

Образы демониц имеют также автоинтертекстуальные источники в *Розе мира*. Велга в *Розе мира* представлена как демоница анархии, вдохновительница мятежей, казней, массовых убийств. В стихотворениях создан образ Велги как обезьяны Богородицы. Нет в ней никакого света (она «Гасительница», «Посланница Мрака»); она поит людей страхом, «беспамятством, жаром, огневницей, немотой» (там же, 98).

На лик ей слугами-химерами
Надвинут дымный капюшон,
Иных миров снегами серыми
Чуть-видимо запорошен.

Венцом – Полярная Медведица,
 Подножьем – узкий серп во мгле,
 Но ни одним лучом не светятся
 В ее перстах дары земле.

Глухую чашу с влагой черною
 Уносит вниз она, и вниз,
 На города излить покорные,
 На чешую гранитных риз.

Пьют, трепеща, немея замертво,
 Пролеты улиц влагу ту,
 И люди пьют, дрожа, беспамятство,
 Жар, огневицу, немоту.
 (Андреев, 2006а, 97–98).

Велга является обезьяной Божьей Матери: «Венцом – Полярная Медведица, / Подножьем – узкий серп во мгле» (там же, 97), описанной в Откровении от св. Иоанна: И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд (Откр. 12.1–9). Велга является карающей демонницей, подобной Немезиде. Древнегреческая крылатая богиня возмездия карала за нарушение общественных и моральных норм.

Лишь глухо доносится дрожь
 Из толщи Былого
 немотствующей,
 Когда с Немезидою схож
 Был взрыв ее страсти
 безумствующей.

Но сквозь поколения те
 Она проходила
 неузнанная,
 В их отроческой простоте
 За кару Господнюю
 Признанная.
 (Андреев, 2006а, 97–98).

Велга близка по звучанию словам: 'Волга' и 'влага'. Последнее слово произошло от индоевропейского слова *velā*. В санскрите находим следующие слова:

गोधूलिवेला / godhūlī velā / – twilight – сумерки.
 वेग /vega /

– motion

– velocity

वाला / vālā /

– Someone or something with a particular feature or possession has that feature or possession.

ग्रास / grāsa /

– morsel

– swallow

– хватать ртом, брать в рот; пожирать, поглощать; глотать; заставляя исчезать.

Неологизм *Велга* подчеркивает характеристики демона-женщины. Она быстро движется в сумерках и ночью, поглощая и пожирая своих жертв.

Описание другой демоницы, Фокермы, начинается с ее происхождения: «Выходила из жгучей Гашшарвы». Гашшарва также уходит своими корнями в текст *Розы мира*, по определению автора, это «один из миров антикосмоса, творимого демоническими силами» (Андреев, 2006а, 99).

Выходила из жгучей Гашшарвы,
Из подземной клокочущей прорвы, –
И запомнили русский пожар вы –
Не последний пожар и не первый
(Андреев, 2006а, 99).

Поэт называет ее Великой Блудницей, которая «влечет к мировым катастрофам»:

Распадутся исконные формы,
Расползутся железные фермы,
Чуть блеснет им, как адские горны,
Взор великой блудницы – Фокермы
(Андреев, 2006а, 99).

Образ Фокермы поясняется автором в *Розе мира*. В трактате Андреева Фокерма представлена «стороной демонического существа, втягивающей, всасывающей души и судьбы в орбиту Гагтунгра (имя планетарного демона)» (Андреев, 2006б, 143). Торжество Фокермы в *Розе мира* обозначает «полный и всеобщий шабаш». В связи с этим Андреев предупреждает:

С установлением обязательного культа Гистурга и Фокермы начнётся уже полный и всеобщий шабаш. Наука, философия, искусство, общественные институты, законы – все направится на то, чтобы разнуздать сексуальную стихию. Будут проповедоваться всеми способами и превозноситься как проявления якобы раскрепощенного духа всевозможные извращения. Чем более

публично будут удовлетворяться они, тем больше похвал и восхищения станет изливаться на героев. Медицина к тому времени выйдет победительницей почти всех заболеваний, паразиты и вредные микробы будут уничтожены, а гигиена поднимется на такой уровень, что пыль и грязь в населенных пунктах совершенно забудутся. Эти стерильные улицы и площади городов превратятся в арену всевозможных видов и форм массового бесстыдства (там же, 516).

Здесь появляется слово *Гашишарва*, которое может происходить из иврита 'эшэрэв' т.е. 'великий / вечный огонь'

לעזאזל הלהבה הגדולה

Жгучий – pałący, piekący

शर्म /sharma /

– disgrace

– shame

Неологизм *Гашишарва* указывает на жгучий вечный огонь ада. Слово должно ассоциироваться со срамом, стыдом и порабощением.

Автоинтертекстуальное соотнесение стихотворения и *Розы мира* видно в проекции «темного видения»:

Ее страшным мирам
 Не воздвигнется храм
 У Кремля под венцом пентаграмм,
 И сквозь волны времен не могу разгадать
 Ее странного культа я сам.

Лирический герой стремится предупредить об опасности Фокермы, но голос его бессилён:

Я кричу, - но лишь траурным лунам
 Внятен крик мой по темным долинам,
 Лишь ветрам заунывным по склонам,
 Только Фаустам
 и Магдалинам

(т. 1, 100).

Обращение автора к имени Фауста вызывает аллюзию на трагедию И.В. Гете *Фауст* (1773–1832), где Мефистофелю удалось спровоцировать главного героя – доктора Фауста на то, чтобы он предался блуду и заключил договор с дьяволом. В трагедии Гете ангелы забирают из ада души Фауста и Маргариты, потому что Мефистофель действовал по разрешению Бога. Однако в *Народной книге*, которая послужила одним из источников гетевской трагедии, Фауст попал в ад и там остался. Главный герой продал свою душу сатане ради

мирских удовольствий; этот мотив отвечает интенциям русского автора предостеречь народ перед Фокермой (демоницей сексуальной страсти).

Шире русской земли
 Во всемирной дали
 Волхвованья Фокермы легли,
 И разделят с ней ложе на долгую ночь
 Все народы и все короли
 (т. 1, 100).

Глава заканчивается стихотворением *Ярсвету – Демиургу России*. Здесь автор обращается к одному из центральных своих героев, богатырскому символу добра (Андреев, 2006б, 238–242, 247–249).

Следует обратить внимание на то, что Андреев в построении своего «поэтического ансамбля» нередко использует контраст. Так, если в рассмотренной нами третьей главе поэт сосредоточивался на «темных видениях», создавал адские пространства «иного мира», то в следующей, четвертой, части он воссоздает просветленные космические «миры».

Глава четвертая *Миры просветления* представляет собой цикл из пятнадцати стихотворений⁵. Художественный мир стихотворного цикла обогащается за счет необычных, фантастических, условных образов «иных миров».

В этой главе автор также довольно часто обращается к автоцитации, используя в новом поэтическом контексте образы, категории, понятия, разработанные им в трактате *Роза мира*. Философская направленность стихотворений, их тематика в большинстве случаев отражены в заглавиях, являющих собой термины и понятия, созданные Андреевым и описанные им в *Розе мира*. Ниже приводим авторские дефиниции понятий, фигурирующих в поэме *Русские боги*.

<i>Шаданакар</i>	Брамфатура (система разноматериальных миров), связанная с нашей планетой – Землей (там же, 30–33, 80–82, 93–96, 99–101, 185–187, 207–212).
<i>Ирольн</i>	Мир пребывания монад людей до момента их воссоединения с творимыми ими шельтами (человеческими «я»), свершающими свой путь становления в плотноматериальных мирах (там же, 94, 137, 211, 225, 420).

⁵ *Шаданакар* (1955), *Ирольн* (1955), «*Может быть, тихою раковиной...*» (1931–1955), «*Я умирал травой и птицей...*» (1931–1955), *Даймоны* (1955–1958), *Олирна* (1955), *Файр* (1955), *Нэртис* (1955), *Готимна* (1955), *Метакультуры* (1955), *Затомисы* (1958), *Святая Россия* (1955–1958), *Гридруттва* (1955), *Уснорм* (1958), «*Золотом луговых убранств...*» (1955).

<i>Даймон</i>	Высшее человечество Шаданакара, где миссия Планетарного Логоса была завершена (там же, 130–132, 134–137, 150, 212, 335, 355–357).
<i>Олирна</i>	Первый из миров Просветления в восходящем посмертии человека (там же, 102–105, 116, 135).
<i>Файр</i>	Второй из миров Просветления, великий праздник души (там же, 178–180, 190, 218).
<i>Нэртис</i>	Третий из миров Просветления, мир великого отдыха (там же, 106–108).
<i>Готимна</i>	Четвёртый из миров Просветления, Сад Высоких Судеб. Метакультуры.
<i>Эанна</i>	Затомис древней Вавилоно-ассиро-ханаанской метакультуры (там же, 97, 113, 160, 488).
<i>Затомисы</i>	Эфирные миры, светлые полюса каждой из метакультур человечества, их небесные страны, обители синклитов просветлённых (там же, 106–120, 122–129, 180–182, 239–241, 258–260).
<i>Эдем</i>	Условное наименование затомиса романо-католической метакультуры (там же, 97, 117, 118, 135, 205, 210, 339).
<i>Монсальват</i>	Затомис метакультуры европейского северо-запада, связанный также с американским севером, Австралией и с некоторыми частями Африки (там же, 205, 260, 488).
<i>Олимп</i>	В греческой мифологии гора в Фессалии, на которой обитают боги. Затомис древней греко-римской метакультуры. (там же, 97, 115, 131, 132, 488).
<i>Мэру (Сумэра)</i>	Согласно индийской мифологии, гора, увенчанная городом Брахмы и украшенная по склонам городами Индры и других высших иерархий индуистского пантеона (примеч. Д. Андреева); Затомис индийской метакультуры (там же, 97, 14, 115, 488).
<i>Небесный Кремль</i>	Надстоящий над Москвою и соответствующий величайшему средоточию в затомисе Небесной России. Стихали – категория богосотворённых монад, проходящих свой путь становления в Шаданакаре преимущественно сквозь царства природы, но в большинстве случаев не имеющих физического воплощения. Так как аспектом своеобразного природного царства обладает и человечество, то имеются разнообразные виды стихиаей, связанные не со стихиями природы в широком смысле, а с природным стихийным аспектом человечества (там же, 58, 120–122, 132, 265, 328–329).

Гридруттва	Один из миров Высокого Долженствования, превыше сегментарных делений метакультур, где творится общий план восхождения человечества (там же, 125, 137, 280).
Уснорм	Первый из миров Высокого Долженствования, храм, вечного богослужения всех просветлённых существ Шаданакара, основанный великим человекодухом Иоанном Богословом (там же, 136, 137, 178–180).

Первое стихотворение цикла, имеющее название *Шаданакар*, как раз и содержит авторское понятие, содержание которого определяет ирреальное пространство в андреевской концепции «инога мира». *Шаданакар* – абстрактное понятие, которое трудно дефинировать научно:

Тщетно
 о нем создавать теоремы,
 Определять
 его холод и жар;
 И не найдем ни в одном словаре мы,
 Что это значит:
 Шаданакар.
 (Андреев, 2006а, 102).

Но в поэтическом тексте *Шаданакар* представлен как неоднозначный, сложный образ-символ:

Это –
 вся движущаяся
 колесница
 Шара земного:
 и горы, и дно, –
 Все, что творилось,
 все, что творится,
 И все,
 что будет
 сотворено.

Царств отошедших
 и царств грядущих
 Сооруженья, –
 их кровь,
 их труд;
 В пламени магм
 и в райских кущах
 Все, кто жили,
 и все, кто живут.
 (Андреев, 2006а, 102).

Шаданакар призван передать динамику всего сущего: не только Земли, космоса, живой и неживой природы, но и существ фантастических, живущих в сознании человека и способных материализовываться в мифах, преданиях, личном творчестве:

Люди,
чудовища
и херувимы.
Кондор за облаком,
змей в пыли, –
Все, что незримо,
и все, что зримо
В необозримых
сферах Земли.

(Андреев, 2006а, 103–104).

Шаданакар является позитивной интенцией и движется к Богу:

Мерно неся
по звездному морю
Свой просветляемый лик,
вой дар,
Лишь с планетарным Демоном споря,
Движется к Богу
Шаданакар.

(Андреев, 2006а, 104).

Итак в хинди *шабда* означает слово, а *нагар* – город, с этим словом образованы названия многих индийских городов. Получается Шабда-нагар, т.е. Град Слова.

ṣa – I а. лучший, прекрасный. II m. потеря, разрушение; конец; остаток; окончательное освобождение. III num. (о-) шесть чего-л.

śa – I m. тот, кто расчлняет, разрушитель; оружие; Ша (эпитет Шивы). II п. счастье.

sa – I pсі. с, вместе с. II adv. (в Брахманах часто используется как наречие) поэтому; как таковой. III pref. с глаголами означает 1) 'соединение», 'объединение', 'обладание'; 2) 'подобие', 'одинаковость'; с именами означает 1) 'с', 'вместе с'; 2) 'имеющий', 'обладающий'; 3) 'содержащий что-л.', 'одинаковый с чем-л.'. IV inde, (муз.) сокращение для ноты [sad-ja]. V m. змея; ветер, воздух; птица; 'Он' (эпитет Вишну, Шивы); п. знание; медитация; дорожная колесница; изгородь.

सदाना / śaḍānā / – самоотдача для благородной цели

दान /dāna/ – дар, дарение; выдача замуж (дочери); пожертвование, жертва, отказ от чего-л. (жизни, тела); сообщение (новости).

– charity

– donation

कर /kar/

– duty

– hand

– levy

kar – I v. делать, совершать, выполнять, производить, быть причиной чего-л.; делать что-л. для пользы или вреда кого-л.; выполнять (приказ), доводить до конца; изготавливать, готовить, детально разрабатывать, обрабатывать, строить; сооружать что-л. из деталей чего-л.; применять, использовать что-л., пользоваться чем-л.; составлять, сочинять, описывать; усовершенствовать, улучшать; завершать этап, доводить до конца, тратить (определенное время); помещать, класть что-л., приводить к чему-л.

kar – II v. разливать; рассыпать, высыпать, насыпать; разбрасывать, сыпать; бросать.

kar – III v. ранить, повреждать; убивать.

kar – IV v. знать; сообщать, информировать.

Неологизм *Шаданакар* подчеркивает положительные аспекты этого места – Города Слова, в котором ценностными координатами являются знания, познание, самосовершенствование, самоотдача для благородной цели. Это место должно ассоциироваться с благородными делами, помощью, добрыми руками.

Несомненно, Андреев, образуя новые слова, черпает из индийских и ивритских языков, философии и культуры. Представленный анализ является лишь введением в проблематику неологизмов в творчестве Даниила Андреева.

Библиография

- Андреев, Д.Л. (2006а). *Русские боги*. В: *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 1. Москва: Русский путь.
- Андреев, Д.Л. (2006б). *Роза мира*. В: *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 3. Москва: Русский путь.
- Андреев, Д.Л. (2006в). *Автобиографическое, проза, стиховедение, письма*. В: *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 4. Москва: Русский путь.
- Дашевская, О.А. (2005). *Индийская философия как основа антропологической картины мира в творчестве Андреева Д.* Вестник Томского государственного университета, 6 (50), 51–56.
- Кондаков, И. (2000). *Даниил Андреев в истории русской культуры*. В: *Даниил Андреев в культуре XX века*. Москва: Мир Урании.

- Розенталь, Д.Э., Голуб, К.Б., Телешова, М.А. (2009). *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс.
- Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В. (1974). *Словарь литературоведческих терминов*. Москва: Просвещение.
- Sanskrit dictionary*. [https:// А., Санскритско-русский словарь. http://www.lexicons.ru/old/s/sanskrit/vedic-russ-kochergina.html](https://www.lexicons.ru/old/s/sanskrit/vedic-russ-kochergina.html) (доступ [sanskritdictionary.com](http://www.sanskritdictionary.com)) (доступ: 12.12.2020).